

Переводы

Моск. правда - 2006 - 14 марта - с. 4

София Ромма: возвращенное прошлое

О том, какое значение для англоязычной поэзии имеет «букет стихов» Софии Роммы, я судить не берусь. Но если прочитать ее стихи в контексте современной русской культуры, то она окажется созвучной нашей современности, как если бы она писала не на английском, а на русском - не побоюсь сказать - ее родном языке. Не только и не столько биография, отраженная в стихах, не только воспоминания о Москве и Гатчине, о любви и кинофестивале, это еще - чувство возвращенного прошлого. Чувство, которое сегодня испытываем и мы, живущие в России.

В поэзии **Софии Роммы** есть два начала - мистическое, связанное с легендами пражского гетто и иудейскими традициями (возвращение к прошлому), и реалистическое, связанное с ожившей легендой - Россией, со жгучим интересом Софии Роммы к русской культуре. Речь идет, конечно, не только об одном сценарии «Бедной Лизы». Такой интерес имеет глубокие корни. Он проявляется в поэтическом языке так же, как в содержании.

Конечно, главное здесь все-таки - сама София Ромма. В замечательном **сборнике стихов**, который был издан **Литературным институтом** при активном участии С. Н. Есина, с блестящим оформлением (Виктор Пивоваров), в переводе С. Арутюнова, который отредактировала Татьяна Александровна Бек, нас интересует в первую очередь сам автор. Своим переживаниям, воспоминаниям и фантазиям София Ромма придает немного ироничный, немного сентиментальный характер («букет стихов») И все это - благодаря поэтической форме, экспериментальной ровно настолько, чтобы сквозь нее просвечивала личность самой Софии. В каждой строке, в каждой рифме, в каждом ассонансе, в каждом отступлении от регулярного стиха.

Основная тема ясна и понятна - любовь. Но София Ромма интерпретирует ее по-своему:

столкновение мужчины и женщины, на котором, несомненно, лежит печать и модного феминизма, и векового мистицизма. Что касается первого, то сама тема требует от поэтессы известной доли остроумия. Достаточно привести в пример такие стихотворения, как «Введение в мужчиневедение» или «Будь он мужчиной, то стервятником бы звался». Но соединить две природы, прийти к долгожданному компромиссу - об этом говорит программное стихотворение поэтессы «God and My Good» («Бог и благо»), по которому озаглавлен весь сборник:

*Нашу душу
уносят от мира
Двое - Бог твой
и Благо мое.*

Эти двое: Your God - мужское, My Good - женское начало.

К этому остается добавить еще удивительное, почти каламбурное звучание этих слов в оригинале, которое невозможно передать в переводе. Вообще стихи Софии Роммы, несомненно, составляют трудность для переводчика. И в этом - их достоинство. Например, стихотворение «Red», в котором обыгрывается сочетание «Red» (имя) и «Redness» (краснота). Или название стихотворения «Running with Ron», с характерным каламбурным звучанием.

София Ромма бравирует своей техникой, как опытный версификатор. В ее диапазоне - все формы, от регулярного рифмованного стиха, который она сводит к абсурду (стихотворение «Стих, который рифмуется!» - «A Poem That Rimes!»), вплоть до свободного стиха, переходящего в прозу (стихотворение в прозе «Fare Thee Well» - «Прощание с тобой»). Можно с уверенностью сказать, что современная русская поэзия проходит сейчас такое же развитие. И здесь - созвучие поэзии Софии с нашей культурой.

Поэтику Софии Роммы можно охарактеризовать ее же словами (из «Прелюдии» к стихотворению «Труби! Труби!»): «Я нарушила все правила, когда ста-

ло понятно, что нет среди них того, что стоило бы нарушить первым». Если связать все сказанное с мистицизмом, то получатся стихотворения «Вызов в день Искупления» («Dare on Atonement Day»), «То ли завещал Бог?» («So god Sent?»), «Ода жестокости» («Ode To Cruelty») и т. д. Если отнести это к области версификации, то получится особый поэтический язык Софии Роммы.

Впрочем, лишенный бунтарства, интерес к легендам пражского гетто, к верованиям иудеев отразился в стихотворениях «Jerusalem Thorn» («Терний Иерусалимский») и «Almonds For Eyes, Golem's song» («Глаз твоих миндалинки, песня Голема»). Совершенно иное, почти классическое звучание имеет стихотворение «Адриатика» («Jadran's Sea»). Однако особое место в поэзии Софии Роммы занимает тема России, связанная с личными переживаниями и впечатлениями автора. В книге можно найти и примеры ностальгической лирики, как в стихотворении «Moscow, Russia» («Москва, Россия»):

*Зачем здесь плуτούν люди,
В бесполой этой Москве?*

Или почти дневниковой лирики, как в стихотворении «His lameness» («Его слабость»):

*Он видел красным
пышущие лики
Икон, что словно политы
бургундским.*

Есть также строки более злободневные:

*Москва во всех
«товарищах» своих
Лишь зависть будит
К низостям богатых...
(«Thursday in Moscow»,
«Московский четверг»)*

Но главным остается то, что Россия, в которой родилась поэтесса, оживает для нее, восстает из прошлого, в противоположность мистическим легендам, которые со временем могут утратить свое очарование. Россия предстает в новом облике, порождая в стихах Софии Роммы неожиданные образы, становясь частью ее жизни, ее личным переживанием.

Сергей БОЧКОВ.